

**Lomonosov Moscow State
University**
Moscow, Russian Federation
<http://www.econ.msu.ru>

Preprint series of the economic department 0003/2025_RUS

Чаплыгина И.Г.
К.э.н., доцент кафедры
ИНХиЭУ
Экономический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова,
С.н.с. Института Экономики РАН

Зарождение анализа экономической динамики в XIX веке.

Аннотация.

Переход к анализу динамических процессов в экономике характерен для экономической науки XX века. В то же время он был подготовлен целым рядом изменений XIX века, которые происходили в экономике, экономической и социальной мысли, философии. В представленной статье рассматривается процесс формирования понятия экономической динамики как отрасли науки, выделяется два определения динамики – через характеристику предмета и характеристику метода, анализируются методологические истоки статичности классического анализа и определяется ряд предпосылок формирования динамического анализа (экономический прогресс, успехи биологии, формирование исторического метода, агностицизм).

Keywords: экономическая статика и экономическая динамика, экономическая мысль XIX века, исторический метод, романтизм, агностицизм

Jel Codes B10, B12, B15, B41

Прежде чем говорить о предпосылках зарождения динамического анализа, которые можно найти в XIX веке, стоит определиться с тем, как понималась динамика в последующем XX столетии.

1. Понятия экономической динамики.

Анализ определений динамики как типа теории приводит нас к выводу, что здесь возможны два подхода – либо через предмет, либо через метод. В первом случае под динамикой понимаются теории, которые изучают факторы, обладающие изменчивостью, исследуют влияние этих факторов на статичные по своей природе элементы системы, тем самым описывая механизм трансформации экономики. Во втором случае – и судя по всему это устоявшееся современное понятие – речь идет о динамическом анализе, который может описывать любые явления и состояния экономики, в том числе равновесные, используя временные характеристики явлений (принадлежность периоду, длительность) или ожидания. В то же время понятие статики и динамики менялось на протяжении почти двух столетий с момента их возникновения.

Как известно, в общественные науки понятия статики и динамики ввел О.Конт. Как пишет Й. Шумпетер [Шумпетер, 1954/2001, II, 547], они были заимствованы им из работы Анри де Бленвиля, зоолога. Для экономической науки это не типичное заимствование, т.к. большинство экономистов брали эти термины из более точных наук: математики [Милль, 1948/1981], механики [Кларк, 1899/2000] или из физики [Harrod, 1948]. Нам удалось вспомнить лишь один пример теории, в которой статика и динамика вводятся по аналогии с биологическими науками. Это работа А.В.Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» [Чаянов, 1924/1989], где во Введении он пишет о статическом анализе как о «морфологии» явления, приводя примеры аналогичного статического анализа из биологии¹.

Но вернемся к Конту. Под статикой он понимал анализ факторов, которые носят не эволюционный характер, в то время как под динамикой – и это большая часть предмета социальных наук – анализ эволюции. При этом следует отметить, что уже Конт связывает со статикой состояние равновесия – «уравновешенного процесса», создающего «спонтанный порядок общества» [Шумпетер, 1954/2001, II, 547]. В дальнейшем экономисты в полной мере разовьют этот подход, определяя статику через понятие «состояния покоя» [Harrod, 1948, 4], «соразмерность частей», «организационное равновесие» [Чаянов, 1924/1988, 307] и т.д. Забегая несколько вперед, хочется отметить, что такая связь статики с равновесием будет продолжаться до тех пор, пока динамика не начнет определяться не через характеристику предмета, а через особенность метода и появиться возможность говорить о динамических теориях равновесия. Но это произойдет не скоро.

Определение динамики через характер предмета анализа (пусть и воображаемый) мы находим у Дж.Б.Кларка: «При неизменности населения, богатства, локальных границ, способов производства и форм богатства такое общество будет жить, но оно не будет обнаруживать изменения своих органических форм. Имея жизнь, но при отсутствии роста оно будет идентично со статическим обществом» [Кларк, 1899]. Через свойства

---

¹ Мы еще вернемся к понятию статики и динамики Чаянова в разделе 2b.

предмета вводит понятие статики и динамики Харрод: с его точки зрения статика соответствует анализу предмета в состоянии покоя, динамика – в процессе изменений.

И хотя Харрод выделяет разные методы построения теории динамики: 1) сравнительную статику, где динамика рассматривается как переход от одного равновесного состояния к другому, 2) анализ временных лагов, используемый большинством современных Харроду теорий циклов; 3) предлагаемый им метод анализа роста при введении динамических факторов в систему (рост капитала) [Harrod, 1939], тем не менее саму динамическую теорию он продолжает определять через свойства объекта анализа.

Принципиальное изменение в определении и принципах формирования динамической теории произойдет, как пишет Й.Шумпетер, благодаря работам Самуэльсона. Шумпетер пишет, что более ранние примеры анализа динамики представляли собой внешнее дополнение к основной теории, фактически не затрагивая статический характер ее фундамента. С его точки зрения, настоящая динамическая теория возникает тогда, когда статика превращается в составную часть динамики, когда ставится и реализуется задача «не дополнять статическую теорию «добычей», принесенной из этих экскурсов, но заменить ее системой общей экономической динамики, в которую статика будет входить в качестве частного случая». [Шумпетер, 1954/2001, III, 1526]

Обратившись к самой работе Самуэльсона, мы обнаруживаем, что он четко формулирует динамическую теорию именно как метод. Он пишет о том, что любые явления могут быть рассмотрены в динамике. Вопрос лишь в методе [Samuelson, 1948, 353]. «Статика занимается ... определением экономических переменных вне времени в виде взаимозависимых связей»² [Samuelson, 1948, 354]. Таким статическим методом можно описывать даже исторически меняющийся мир, если каждое из его состояний рассматривать как статическое равновесие.

«Сущностью динамики, по мнению Самуэльсона, является то, что экономические переменные, относящиеся к разным периодам времени, связываются функциональными зависимостями или, что то же самое, что существуют функциональные зависимости между экономическими переменными и их темпами изменений, их «скоростями» «акселерации» или производными производных все более высокого порядка. Важно отметить, что каждая такая динамическая система со временем генерирует свое собственное поведение, либо в качестве автономного ответа на набор «начальных условий», либо в ответ на некоторые изменяющиеся внешние условия. Эта особенность самогенерирующего развития во времени является сутью каждого динамического процесса»³. [Samuelson, 1948, 354]

---

² «Statics concerns itself with the ... timeless determination of economic variables by mutually interdependent relations».

³ «It is the essence of dynamics that economic variables at different 'points of time are functionally related, or what is the same thing, that they are functional relationships between economic variables and their rates of change, their 'velocities' "accelerations," or higher "derivatives of derivatives." It is important to note that each such dynamic system generates its own behavior over time, either as an autonomous response to a set of 'Initial conditions,' or as a

Если говорить о самом Шумпетере, то он фактически использует два разных понятия динамики. В своей работе «Теория экономического развития» он дает определение динамики через характеристику предмета, понимая под динамикой процессы определенного характера, а именно невозвратные, дискретные, качественные изменения трендов экономического развития. [Шумпетер, 1911/1992]. В то же время в своей «Истории экономического анализа» он определяет динамику через метод как динамический анализ, который работает с временными периодами, с длительностями [Шумпетер, 1954/2001, III]. Причем он подчеркивает, что пользуется только одним из возможных определений в этой своей работе, оставляя за кадром определение динамики как теорий эволюции или развития⁴.

Близким, хотя на наш взгляд, переходным от определения через предмет к определению через метод, является определение статики и динамики, которое дает Лейбенштайн со ссылкой на Хикса: «Мы будем называть статическим такое состояние, при котором порядок событий не имеет значения... Это определение сходно... с определением Хикса: «Статика – это та часть экономической теории, где нам не нужно беспокоиться о дате» [Leibenstein, 1950]. С одной стороны, речь идет о «состоянии системы», с другой – определение опирается на характеристику метода анализа. Тем более, если учесть свойства метода Дж.Хикса, который считал теории абстрактными гипотезами, указание на свойство системы должно восприниматься как указание на свойство теоретической модели, а значит на свойство метода.

С 1970-х гг., когда в модели активно вводится понятие ожиданий, под динамической может пониматься теория, включающая «поведение домохозяйств и компаний, учитывающее перспективу», как в определении Н.Кочерлакотом термина «динамический» в названии модели динамического стохастического общего равновесия, приводимой Де Фреем [Де Фрей, 2016/2019, 195].

2. Ключевые изменения при переходе от статики к динамике.

а. Характер раскрываемых законов

С нашей точки зрения, принципиальным отличием динамических теорий от статических является принципиально иной взгляд на экономику, который акцентируется на изменчивости как свойств отдельных элементов системы, так и механизмов их взаимосвязей. Эта изменчивость воспринимается не как случайное, несущественное проявление экономики, а как ее фундаментальная, ключевая характеристика.

---

response to some changing external conditions. This feature of self-generating development over time is the crux of every dynamic process.»

⁴ Возможны разные объяснения такого различия двух работ. Выскажем два предположения: 1) разница во времени, работа 1954 года написана тогда, когда динамический анализ именно как метод уже получил достаточное развитие, чтобы служить основой для классификации теорий на статику и динамику; 2) сама работа 1954 года делает акцент на развитии метода, инструментария, поэтому и определение динамики идет через метод.

Этим динамические теории принципиально отличаются от подхода, который был свойственен классической политэкономии с самого момента ее зарождения – нацеленностью на поиск универсальных законов, т.е. устойчивых, повторяющихся закономерностей.

Как указывал Дж.Б.Кларк, статика и динамика представляют собой два разных видения реальности: «Статическое состояние, однако, есть состояние воображаемое. Все естественные общества динамичны» [Кларк, 1899]. Эта цитата доказывает правоту У.К.Митчелла, который писал, что неоклассика, представителем которой и был Дж.Б.Кларк, представляет собой теорию статики, но в отличие от классической теории, понимает динамический характер экономической системы. С нашей точки зрения, представители классической теории не могли не видеть динамизм окружающего их мира. Различие состоит в том, что они ставили перед собой другую задачу, а именно поиск и раскрытие универсальных законов. Чрезмерный акцент на изменчивости мира воспринимался ими как свидетельство недостаточной аналитичности. Устойчивость свойств явления или взаимосвязей воспринималась классическими авторами как признак их фундаментальности, природности. Наиболее ярким примером такой исследовательской программы является, как известно, Рикардо, чья позиция наглядно проявилась в его переписке с Мальтусом.

Таким образом, при переходе от статики к динамике меняется цель исследования, смещается ракурс внимания исследователя – с устойчивого на изменчивое и его причины. При этом сами механизмы изменений могут восприниматься как неизменные (статически), так и как меняющиеся (динамически) в зависимости от автора и этапа развития динамического анализа. Й. Шумпетер, например, как известно, понимал под динамикой не просто динамику, а изменение трендов этой динамики. Дж.М.Кейнс придерживается такого же взгляда.

в. Новые элементы аксиоматики. Проблема неопределенности.

В результате формирования изменчивой картины экономики меняется не только цель исследования. Новые элементы системы приобретают значение и включаются в предмет анализа.

Главным из них, безусловно, является фактор неопределенности. Он тянет за собой целую серию новых категорий, которые начинают включаться в теорию – ожидания, ошибки расчетов, денежная иллюзия и активизация роли денег и т.д. Но мы остановимся на неопределенности. На самом деле неопределенность может вызываться двумя факторами, по крайней мере в экономической науке обычно речь идет именно о двух – несовершенство информации и изменчивость системы.

Классическая политэкономия не учитывала фактор несовершенства информации, исходя из того, что мир принципиально познаваем, а человек принципиально рационален. Вера в мощь разума формировала веру в то, что неопределенность, сопряженная с недостатком знания, принципиально преодолима, а значит нет оснований учитывать этот фактор в анализе как фундаментальную характеристику экономической системы.

У Дж.С.Милля, у Н.Д.Кондратьева мы встречаем рассуждения о том, что природа любых неожиданных событий кроется в несовершенстве наших знаний. Сами эти события не являются неожиданными, они все – результат цепочки причинно-следственных связей. Если бы наш разум был способен проследить все эти связи, неожиданные явления предстали бы нам как самые что ни на есть закономерные и предсказуемые. Такая неопределенность – иллюзия несовершенного разума, а не свойство мира.

В динамической системе неопределенность имеет совсем другую природу. Она порождается изменчивостью самих явлений, изменчивостью законов этих изменений. Можно было бы свести эту неопределенность вновь к неспособности разума раскрывать законы изменений. Но как минимум здесь добавляется еще один момент – человеческий разум всегда анализирует события свершившиеся, а значит относящиеся к настоящему, быстро превращающемся в прошлое. Даже если мы предположим, что сам процесс анализа не требует времени (хотя, разумеется, это не так), даже в этом случае получаемое знание относится к уже прошедшему периоду. Разум не успевает отслеживать изменения.

Здесь стоит сделать короткое отступление, которое уводит нас от линии изложения и тем не менее является необходимым, т.к. позволяет уже сейчас связать фактор неопределенности, являющийся столь явным атрибутом динамических теорий, с философским агностицизмом. Такая связь может показаться на первый взгляд неожиданной. И тем не менее, в рамках классической науки, для которой была свойственна вера в способность разума раскрывать причины вещей, проблема неопределенности будущего не стояла столь остро. Дело в том, что знание причин явлений воспринималось как возможность прогнозировать будущее этих явлений, в том числе их изменения, не привязываясь к анализу прошлого и экстраполяции обнаруженных тенденций в будущее, что собственно и создает проблему в динамической системе – знание прошлого не помогает понимать будущее, если система все время меняется. Вера в знание причин явлений позволяет строить прогноз на основе понимания внутренней механики явления, его природы. Это понимание делает явление предсказуемым.

К концу XIX века, когда мы наблюдаем зарождение динамического анализа, философский агностицизм доминирует в научной методологии, большинство ученых, в том числе экономистов, отказываются от поиска причин вещей (австрийская школа представляется в этом вопросе «последним из магижан»), сохраняя причинно-следственный анализ в большой степени благодаря методу интроспекции, кантовскому «окну» в «мир вещей в себе») и переходят на функциональный анализ, тем самым закрывая для себя возможность, точнее признавая невозможность классической научной программы – познать механику экономической системы, чтобы предсказывать любые процессы в будущем, в том числе эволюционные.

Как бы то ни было, мы видим устойчивую связь между неопределенностью и экономической динамикой у многих экономистов начала XX вв. – Ф.Найт, Й.Шумпетер, Дж.М.Кейнс.

При этом стоит отметить, что, хотя и Ф.Найт, и Й.Шумпетер противопоставляют свою теорию неоклассической именно в силу включения в нее фактора неопределенности, это противопоставление выглядит по-разному. Ф.Найт, фактически, проводит границу по модели поведения – неоклассика опирается на модель рационального выбора, в своей теории он предлагает модель предпринимательского поведения. При этом Найт признает, что модель рационального выбора работает, но в условиях, когда хозяйствующий субъект имеет дело с данными одного временного периода. В качестве примера он приводит поведение потребителя, который в момент принятия решения исходит из актуальных показателей своего дохода, своих предпочтений и актуального ассортимента и цен товаров. Поведение предпринимателя принципиально отличается тем, что он принимает решение, согласуя факторы, относящиеся к настоящему и будущему – цены и ассортимент ресурсов и будущие цены и объемы спроса на товары. Таким образом, хотя у Найта присутствует и подробно выписана проблема качественных изменений системы, в первую очередь за счет активной роли человека, который преобразует реальность, что делает будущее принципиально некалькулируемым, при проведении водораздела между неоклассикой и собственной теорией, критерием выступает проблема межвременного анализа («анализ периодов», в терминологии Шумпетера).

В отличие от Ф.Найта, Й.Шумпетер противопоставляет свою теорию неоклассике именно как теории, которая полностью игнорирует качественные трансформации экономической системы. Предпринимательское поведение противопоставляется рутинному, т.е. неизменному. Необходимость иметь дело с будущим («проблема Найта») решается в статической системе, по мнению Шумпетера, рутинными практиками работы со стандартной неопределенностью, т.е. не является проблемой, требующей изменения теории. Настоящий переход к динамике для Шумпетера, это переход к анализу непредсказуемых качественных изменений. Именно он порождает истинную неопределенность.

Стоит сделать небольшое отступление относительно включения в экономический анализ расчета вероятности событий. Мы знаем, что экономисты довольно быстро отделили понятие вероятности, которая может быть рассчитана, от неопределенности. Тем не менее, является ли включение вероятностного анализа атрибутом динамической теории?

Вероятностный характер события вытекает из возможности разных исходов. Сама по себе она кажется связанной с многофакторностью явлений мира и с качественной неповторяемостью, уникальностью каждого конкретного события. Но все эти характеристики не обязательно являются следствием изменчивости системы. Многообразие вполне может являться характеристикой статичной системы. Более явной кажется связь вероятностной картины мира с проблемой его непознаваемости. В частности, Кейнс [Keynes, 1923/1973] указывает на это, поясняя, что событие приобретает для человека вероятный характер вследствие неоднозначности связей между одной совокупностью суждений и вытекающей из нее другой совокупности

суждений. Для него источник вероятности - непознаваемость мира, неуверенность человека в его знаниях, частое отсутствие достаточных аргументов для признания достоверными тех связей между фактами и нашими суждениями об этих фактах, которые мы называем знаниями.

При этом стоит отметить, что в экономической системе Кейнса соотношение неопределенности и вероятности более сложное, нежели у Найта, строго разделявшего их. Динамический характер экономических процессов, порождающий неопределенность, важен для Кейнса в том числе в связи с тем, что он усложняет для экономического агента расчет вероятности событий. Он пишет, что вероятность отражает «уровень доверия», который непосредственно влияет на расчет предельной эффективности капитала [Keynes, 1936/1973, VII, 148-149]

с. Новые методы.

Мы уже упоминали, что динамическая теория может определяться, а на современном этапе чаще именно так и происходит, через характер метода. В целом изменение метода начинается с включения временных параметров в анализ – анализ периодов, учет длительности процессов и временных лагов. С распространением дифференциальных исчислений начинают замеряться скорость и степень изменений.

Рассмотрим более подробно динамический характер метода временных лагов. Очевидно, что параметр времени имеет значение именно в меняющейся системе, где периоды могут отличаться по своим характеристикам. Шумпетер так определяет статические и динамические «соотношения»: «Мы называем соотношение статическим, если оно связывает экономические величины в данный момент времени. Так, предполагается, что количество товара, на которое предъявляется спрос, в некоторый момент времени (t), зависит от цены этого товара в тот же самый момент времени (t). ... Мы называем соотношение динамическим, если оно связывает экономические величины различных периодов времени. Так, если мы считаем, что количество товара, предлагаемое в некоторый момент времени (t) зависит от цены, преобладавшей в момент времени ($t-1$), то это утверждение о динамическом соотношении» [Шумпетер, 1954/2001, III, с.1502]. В этой связи в качестве одной из причин необходимости создания динамического метода Шумпетер называл сам факт того, что большинство экономических явлений (цены, доходы, объемы спроса и предложения) в своем существовании связывают разные временные периоды [Шумпетер, 1954/2001, III, с.1502]. При этом мы понимаем, что необходимость учета временного параметра теряет всякий смысл, если система является стационарной.

Этот метод, который Шумпетер называет «анализом периодов» становится ключевым для целой серии теорий циклов первой трети XX века. (Теория кораблестроительного цикла Тинбергена [Тинберген, 1931], теория цикла Р.Харрода⁵ [Harrod, 1936/1965] и т.д.).

---

⁵ При этом стоит заметить, что Харрод считает неприемлемым использовать равновесный анализа для построения теорий динамики [Harrod, 1948]

При этом следует остановиться на одном важном моменте – проблема межвременных диспропорций, равно как и теории цикла, опирающиеся на анализ этих диспропорций, не всеми экономистами относятся к динамике. Мы уже упоминали, что хотя Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа» под динамическим анализом понимает именно «такой анализ, который связывает величины, относящиеся к различным моментам теоретического времени» [Шумпетер, 1954/2001, III, 1525], в то же время в своей работе «Теория экономического развития» [Шумпетер, 1911/1992] совсем иначе определяет динамику, а именно как анализ качественных дискретных изменений. С этой точки зрения, возвратный характер циклических колебаний, возникающие из-за длительности процессов диспропорции не могут рассматриваться как динамика.

Сопоставляя два определения динамики в работе 1954 года, Шумпетер противопоставляет их, указывая, что они свойственны разным авторам. Если первое понимание динамики как «анализ последовательностей» (sequence analysis) характерно для Фриша и Хикса, второе – для Харрода и Стиглера.

Действительно, если обратиться к идеям Харрода, мы увидим, что хотя он строит свою теорию цикла 1936 на анализе межвременных диспропорций и объясняет механику цикла наличием временных лагов, это не мешает ему в своей работе 1948 года по теории динамики утверждать, что настоящая динамическая теория должна строиться принципиально иным образом, а именно выявлять факторы динамики, определять их влияние на экономику и, в том числе, анализировать их как возможный самостоятельный источник циклических колебаний [Harrod, 1948, 11-20]. При этом свою позицию он прямо противопоставляет точке зрения «М.Калецкого и эконометристов», а также Дж.Хикса [Harrod, 1948, 2].

3. Статический характер экономической науки XIX века и исключения.

Принято считать, что динамический анализ начинает развиваться в экономической науке только в XX веке. Действительно, это кажется одним из ключевых отличий теории от предыдущего периода. Тем не менее отдельные элементы экономической динамики зарождаются уже в XIX веке.

а. Статический характер классической теории

Маршалл, сравнивая в работе 1890 года экономическую науку начала XIX века с современной ему, отмечает в качестве фундаментального изменения переход от рассмотрения «характера человека и его производительности» в качестве «фиксированной величины» к представлениям о том, что они являются «продуктом обстоятельств» [Маршалл, 1890/2008, 715-716].

Кларк в 1899 году пишет, что динамической теории на данный момент не существует в экономической науке, что это задача великого будущего: «Я осмеливаюсь утверждать, что грядущее великое развитие экономической теории пойдет путем установления и разрешения динамических проблем.

Величайшие проблемы будущего касаются динамической теории ценности, заработной платы и процента» [Кларк, 1899]

Митчел, давая оценку предшествующим теориям, не столь категоричен. Он безусловно утверждает, что классика, равно как и неоклассика - это теории статики, с той лишь разницей, что неоклассика понимает, что реальность динамична, но продолжает заниматься статикой. Тем не менее, он указывает на единичные элементы динамического анализа, присущие классической школе - закон народонаселения Мальтуса, закон падения нормы прибыли Рикардо и идеи научного прогресса Милля.

В действительности, можно найти и другие элементы динамики - качественные и количественные изменения системы и указание на факторы этих изменений – в теориях классиков. Легче всего их обнаружить у Смита (не даром его теорию так ценят сторонники эволюционного подхода). В его работе присутствуют как чисто количественные изменения (рост производительности труда, процессы накопления капитала), так и качественные институциональные изменения (понятие простого и развитого общества⁶).

Но это лишь элементы динамики, который экономисты классики обнаруживают в ходе наблюдения за реальностью и пытаются учесть. Ядро теории остается статическим. Если у Смита мы еще видим, что законы стоимости и доходов отличаются в простом и развитом обществе (хотя природными он называет именно законы, свойственные простому обществу), то в теориях большинства классиков мало что нарушает универсальный характер раскрываемых ими причинно-следственных связей. Общепринятым примером идеально статической теории является теория Рикардо. Но мы видим эти черты и у других авторов, причем на уровне постановки научной задачи.

С нашей точки зрения природа статичности классической теории кроется в той методологической установке, которую приняли классики в качестве научной нормы под влиянием успехов физико-математических наук эпохи Нового Времени. Они сознательно ставили задачу искать и фиксировать универсальные законы. Мы видим множественные аналогии с законами физики (тяготения, сообщающихся сосудов), которые проводит Юм в своих эссе. Знаменитая аналогия между эгоизмом и силой притяжения, которую проводит Юм, а до него проводил Гельвеций, возводит эгоизм в статус универсального неизменного принципа: «Существует нравственный закон тяготения, основанный на интересах и страстях людей, не менее могущественный и непогрешимый». [Юм, 1752/2005, О торговом балансе].

Методологическая установка на поиск «существенных оснований» вещей повсеместно проявляется в использовании понятия естественный при анализе категорий стоимости, заработной платы, ренты у таких авторов как У.Петти, П.Буагильбер и А.Смит. Свои описания природы и законов

---

⁶ Хотя соотношение этих двух образов экономики большое похоже на соотношение модели и реальности, тем не менее сам Смит пишет об институциональных изменениях, которые приводят к изменению если не природы экономических явлений, то по крайней мере к изменению проявления этой природы (его рассуждения о стоимости, о естественной и обычной заработной плате и т.д.)

формирования естественной цены или заработной платы классики представляли как раскрытие неизменной сущности этих экономических явлений. Это хорошо проявляется в используемом ими противопоставлении естественных категорий и «политических» (Петти) или «обычных» (Смит) или «рыночных». Мы видим отражение этой методологической установки на поиск повторяющихся, устойчивых, вневременных свойств явлений в лексике даже Дж.С.Милля, когда он подразделяет все наблюдаемые в реальности зависимости на те, что могут быть обоснованы природой вещей (их «коренными свойствами») и потому «возведены в статус закона», и те, что являются «вероятными и обычными». [Милль, 1848/1981, III, 16-17]

Напрямую о задаче раскрывать основания экономических явлений пишет Рикардо. Его фраза из переписки с Мальтусом, цитируемая Шумпетером: «[я] сосредоточиваю все свое внимание на перманентном состоянии вещей, которые из них [непосредственных и временных эффектов] вытекают» [Шумпетер, 1954/2001, II, 647] – не оставляет сомнений в истинном источнике статического характера его теории, кроющемся в сознательно сформированной научной норме.

Такой же точки зрения придерживается К. Маркс, когда разделяет политэкономия на классическую и вульгарную: «Под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У.Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [Маркс, 1867/1960, с. 91, прим].

В этой связи кажется обоснованным утверждать, что водораздел между статикой и динамикой долгое время, до собственно формирования методов динамического анализа, совпадал с линией, отделявшей аналитические и описательные теории. Чем выше аналитика, тем статичнее теория. Чем ярче проявлялось стремление автора создать фундаментальную теорию, тем явнее проявлялся статический характер выдвигаемых концепций.

В этой связи большая динамичность экономической картины в текстах меркантилистов [Райнерт, 2007; Шумпетер, 1954] может быть объяснена большей реалистичностью и меньшей аналитичностью текстов, ее донаучным характером. Когда классика поставила цель создать науку, иначе как в форме статике она не могла быть выписана. Маршалл видит причину этой статичности во влиянии успехов физико-математических наук, которые имеют дело со статическим предметом и потому сформированные ими методы, заимствованные экономической наукой, обладали теми же свойствами. Воспринятый научный язык мог описывать лишь статичный мир. Должны были произойти изменения в области метода, чтобы возникла сама возможность научиться говорить о динамике научным языком.

Даже Милль, с чьим наследием связывают зарождение как самих понятий статика и динамика, так и первых элементов динамического анализа (Книга IV, в которой он анализирует изменения в статических элементах экономической системы под влиянием динамических факторов), тем не менее развивает вполне статическую теорию. Он сам определяет первые три книги своих «Основ...» как «подробное изложение представлений предмета нашего

исследования, находящегося, если воспользоваться наиболее удачным обобщающим математическим понятием, в статическом состоянии». [Милль, 1848/1981, III, 7]. Стоит обратить внимание, что анализ того, «какие обстоятельства определяют объем производства и уровень использования рабочей силы, капитала, а также вовлечения населения в производства» [Там же.], что часто относится к факторам роста, Милль относит к статике. Он называет статику «теорией равновесия», а динамику «теорией движения».

в. Исключения XIX века.

Если искать динамические элементы в экономической мысли XIX века, следуя заданному изначально подходу к определению динамики через предмет и через метод, стоит разделить теории на те, которые включали в анализ факторы динамики, и те, в которых обнаруживаются зачатки динамического анализа.

– Анализ динамических факторов

Безусловно, если мы понимаем под динамикой признание изменчивого характера экономической системы, то в первую очередь следует говорить об исторической школе Германии и о теории К.Маркса. Если обратиться опять к оценкам У.К.Митчелла, то с его точки зрения историческая школа безусловно демонстрирует как понимание динамического характера экономических процессов, так и исследовательское внимание к ним. Единственная проблема – она не формирует теории динамики. На этом фоне теория Маркса представляется Митчеллу значительным шагом вперед. Помимо заимствованного у Рикардо закона падения нормы прибыли, Маркс включает в анализ свое собственное изобретение - закон концентрации производства и капитала (столь высоко оцененный Хейлбронером в работе «Философы от мира сего» [Хейлбронер, 1953/2016]), который в том числе обуславливает неизбежность предстоящего качественного изменения, а именно смены формации (с капиталистической на высшую). Помимо этого, в качестве динамического элемента рассматривается его схема расширенного воспроизводства (хотя Чаянов относит теорию как простого, так и расширенного воспроизводства Маркса к «морфологии» [Чаянов, 1924/1989, 308]) и его теория кризисов капитализма.

Мы бы добавили еще одну важную особенность теории К.Маркса, характеризующую ее как динамическую, а именно рассмотрение природы капиталистической прибыли как центрального элемента своей теоретической системы и, с его точки зрения, любой экономической теории. Собственно накопление капитала для всех классиков считается главным фактором экономического роста. Но их теории, с точки зрения Маркса, плохо умели объяснять природу этого явления. Аналогичную критику в адрес неоклассики мы встречаем в XX веке со стороны Ф.Найта и Й.Шумпетера, которые рассматривают неспособность теории понять природу прибыли как признак статического характера этой теории [Найт, ; Шумпетер,]

– *Элементы динамического анализа.*

Определяя динамическую теорию через метод, учитывающий временные периоды, Шумпетер обнаруживает зачаточные формы этого метода в работах экономистов прошлого. В качестве наиболее раннего примера, он упоминает экономическую таблицу Кенэ, в которой, действительно, экономические процессы разделены производственным периодом. Так же он упоминает Мальтуса и, особенно Сисмонди, указывая на связь теории последнего с «динамической моделью экономики в современном значении этого термина» [Шумпетер, 1954/2001, II, 647].

Шумпетер пишет, что Сисмонди, как и Мальтус, демонстрируют уход от равновесного анализа, т.к. обращают внимание на переходные, промежуточные состояния экономики, которые в случае Сисмонди важны не только в силу того, что часто сопровождаются «ужасными страданиями» (о чем писал и Т. Мальтус), но и для определения нового состояния экономики.

Шумпетер пишет, что в теории Сисмонди новое состояние экономики не определяется предыдущим стационарным состоянием и произошедшим изменением, но является результатом череды последовательных переходных состояний. Это выгодно отличает подход Сисмонди от метода сравнительной статики и делает его явно динамическим [Шумпетер, 1954/2001, 648]. Новаторство Сисмонди было и в том, что он видел в наличии временных лагов причины возможных кризисов, в силу того, что производитель не знает будущий спрос и легко может ошибиться. Также он учитывал длительность производственных и обменных процессов через величину процентной ставки.

В связи с последним замечанием Шумпетера относительно теории Сисмонди стоит обратить внимание на то, что Рикардо тоже пытался учитывать временной фактор в своей знаменитой главе, где он пытается увязать с трудовой теорией стоимости разную стоимость товаров, созданных капиталами, равновеликими по своей стоимости, но завязанными в процесс производства на разное время (длительность поставки товара на рынок, скорость оборачиваемости капитала). Такой ход рассуждений может вполне считаться аналогичной методу, который применял Сисмонди. Как известно, Рикардо называет Сисмонди среди авторов, которые оказали на него влияние [Рикардо, 1817/2007]. Шумпетер пишет, что не находит следов влияния Сисмонди на Рикардо. Тем не менее, рассуждения Рикардо в отделе IV и V книги I очень напоминают рассуждения Сисмонди в терминах временных периодов.

– *Метод диалектики*

Рассматривая теории XIX века на предмет элементов динамического анализа с позиций теорий динамики XX века упускается один важный момент, а именно применение диалектического метода как метода анализа экономической динамики. Он изначально позиционируется как метод, позволяющий видеть причины качественных трансформаций явлений

благодаря способности анализировать эти явления во всем их противоречии, которое, собственно, и толкает их к развитию и трансформации. К сожалению, мы вынуждены только указать на этот момент и пойти дальше, т.к. этот сюжет уведет нас далеко в сторону, поскольку развитие теорий динамики в экономической науке XX века пошло по пути внедрения совсем других методов. На наш взгляд, это связано с принципиальным отказом теорий XX века искать причины вещей и углубляться в анализ природы явлений.

– Первые динамические теории

Говоря о зарождении динамического анализа в XIX веке, безусловно нельзя пройти мимо первых теорий циклов, равно как и зарождение основ будущей стокгольмской школы в работах К.Викселя.

Насколько в действительности теории циклов привносят динамический элемент в экономический анализ, вопрос на самом деле не очень простой. Если мы под динамическим анализом понимаем не просто фиксацию фактов, которые могут нарушать ход хозяйственной жизни, а склонность самой системы меняться или провоцировать изменения, то экзогенные теории циклов вряд ли нарушают статический характер теорий. Если система работает как неваляшка, которая восстанавливает свое состояние при всяком внешне спровоцированном воздействии, такое видение экономики является статическим.

Эндогенные теории цикла, в этом плане, выглядят как элемент динамики. Они возникают к концу XIX века, по всей видимости под влиянием исторической школы. Их анализ составляет отдельный предмет для исследования, которому мы не можем уделить внимания в данной работе. Единственное, что кажется важным отметить, это то, что теории циклов, хотя и описывают изменения экономики, часто выраженные и чреватые серьезными проблемами, тем не менее в большинстве своем согласуются с равновесным анализом. Мы уже упоминали позицию Харрода, который считал, что теории циклов, которые представляют причины колебаний как проблему временных лагов, не позволяют формировать настоящую теорию динамики.

Наиболее ярким примером динамической теории XIX века, безусловно, является теория К.Викселя. В ней присутствуют сразу несколько элементов: изменчивость системы, ведущая к различию прошлого, настоящего и будущего, порождаемая этим принципиальная неопределенность будущего, вытекающая отсюда проблема ожиданий, нарушающая алгоритм рационального выбора, а также необходимость учитывать временные параметры явлений и длительность периодов (явное влияние австрийской школы, в частности теории Бем-Баверка, которая тоже должна быть упомянута в связи с развитием динамического метода). Отдельно хочется подчеркнуть идею Викселя (от аналогичной идеи впоследствии Р.Харрод будет отталкиваться, создавая свою теорию роста 1939 года) о том, что рост

капиталов (в высоту) может сам по себе являться источником центробежных сил в экономике.

На этих теориях – теориях циклов, теории Бем-Баверка, теории Векселя – стоило бы более подробно остановиться. Но мы поспешим перейти к той части нашего исследования, к которой вели все предыдущие рассуждения, а именно к анализу предпосылок, способствовавших возникновению в XIX веке элементов динамического анализа и приведших в конечном итоге к формированию динамических теорий в веке XX. Рассмотрение упомянутых только что теорий в действительности более уместно так же именно в этом разделе.

4. Причины развития динамического анализа.

а. НТП

Дж.Стиглер [Stigler, 1960, 37] с высоты середины XX века обращает внимание на то, что промышленная революция к. XVIII века никак не повлияла на классическую политэкономия. Его мысль повторяет Р.Лукас [Лукас, 2002 (2013), 224]. Но если Лукас объясняет это характером реальной динамики макроэкономических показателей, которую мог наблюдать Рикардо в 1817 году и которая не демонстрировала еще явных изменений ключевого с точки зрения Р.Лукаса для качественной трансформации показателя – дохода на душу населения, то Стиглер делает более фундаментальный вывод о том, что любая теория, как только она становится развитой дисциплиной, подчиняется своей внутренней логике и слабо реагирует на ситуативные изменения как в экономике, так и в других дисциплинах [Stigler, 1960, 38, 41-42].

Р.Лукас указывает, что только к середине XIX века и практически только Маркс и Энгельс обращают внимание на мощный технологический прогресс, достигнутый за последние сто лет.

Если более внимательно посмотреть на эволюцию экономической мысли в XIX веке, то влияние промышленной революции можно увидеть как минимум в той трансформации классической теории, которую она претерпевает в работах Дж.С.Милля.

Дж.С.Милль, начиная свою четвертую главу, посвященную экономической динамике, в качестве первой тенденции развития называет научно-технический прогресс. Именно *научно-технический* прогресс. Он пишет об электромагнитном телеграфе, «самом чудесном из современных изобретений» [Милль, 1848/1981, III, 9], и подчеркивает, что он возник почти сразу после научного открытия, послужившего для него основой. Это может служить косвенным доказательством того, что переход к анализу динамических процессов был спровоцирован очевидным прогрессом в сфере науки и техники, наблюдавшимся в ходе промышленной революции.

Изменение технологий производства, способствовавшее росту объемов производства, приводили не только к количественным, но и качественным изменениям, которые не могли не обращать на себя внимания. Одним из таких изменений Милль называет трансформации потребительских привычек,

фактор, который впоследствии будет указываться многими экономистами как фактор динамики (Дж.Б.Кларк, У.Митчелл).

Изменение характера потребления, учитываемое Миллем и, в частности, используемое им для опровержения мальтузианского аргумента, используемого Рикардо для доказательства «железного закона заработной платы», вполне может рассматриваться отражением реальной динамики ВВП на душу населения. Если обратиться к статистике, которую приводит Р.Лукас, то легко увидеть, что именно к сер. XIX в. этот показатель претерпевает существенные изменения.

Табл. 1. ВВП на душу населения в долл. США 1985 г. [Лукас, 2002 (2013), 270-271]

Страна	1750 г.	1800 г.	1850 г.
Великобритания	805	840	1864
Франция	665	752	1207
Германия	652	738	1048
Нижние Земли (Нидерланды)	665	752	1274
Прочая Западная Европа	665	753	1126
Североамериканские штаты	837	870	1519

Если вновь обратиться к IV части книги Милля, то мы увидим еще две качественные трансформации, которые он выделяет как факторы динамики. Это рост безопасности личности и собственности, который стимулирует производство и накопление, а также развитие кооперации, позволяющей людям получать все больше выгод от согласованности своих действий. [Милль, 1848/1981, III, 9]. Эти изменения не столь очевидно связаны с промышленной революцией и, скорее, кажутся, факторами роста, чем его следствиями. Хотя с точки зрения формационного подхода К.Маркса должны восприниматься как трансформация надстройки под влиянием развития производительных сил.

Таким образом, промышленная революция, усилившая экономическую и социальную динамику, безусловно сформировала эмпирическую базу для включения динамических процессов экономики в предмет научного анализа.

Помимо этого, промышленное развитие, которое впоследствии привело к «великой дивергенции», к нач. XIX в. наглядно продемонстрировало амплитуду возможных различий в развитии стран. Как это могло повлиять на развитие динамического анализа? Оно поставило под сомнение существование универсальных законов в экономике.

Как известно, выраженные различия в развитии германских земель в сравнении с промышленно развитой Англией послужили одной из важных причин возникновения ключевого тезиса исторической школы Германии о национальных особенностях экономик и необходимости создания национальных систем политической экономии.

Если разрушается принцип универсальности законов, управляющих экономикой, закономерно возникает вопрос об истоках наблюдаемого разнообразия национальных судеб. Оно не всегда может быть объяснено различием естественных условий.

Под влиянием увеличившегося разрыва в темпах роста и уровне развития экономик как следствия промышленной революции, германские экономисты обращаются за ответом на вопрос о природе этих различий к исторической школе права, которая утверждает, что общественные законы это продукт истории нации, результат ее особого исторического выбора.

В результате такого симбиоза в предмет экономического анализа возвращается столь непредсказуемый фактор как воля человека, пусть и коллективная, поскольку историческая школа видит истоки национальных различий в особых традициях, нравах, правовых и социальных институтах.

Это привносит сразу два изменения в аксиоматику: усиливается возможное разнообразие траекторий развития экономик разных регионов; снижается предсказуемость этого развития в силу преднамеренного характера действий людей, их значительной произвольности относительно внешних обстоятельств и внутренних чисто природных свойств человека.

в. Романтизм

Но что способствовало формированию исторического подхода и, в частности, исторической школы права? Большое влияние в целом на формирование исторического метода, безусловно, оказал романтизм с его «романтикой национальной истории» [Шумпетер, 1954/2001, II, 551] и, конечно же, работа Гердера «Идеи к философии истории человечества» 1784-1791. Шумпетер пишет, что безусловно прослеживается следующая траектория влияния романтизма на экономическую мысль: романтизм – историческая школа права – историческая школа Германии.

С точки зрения нашей темы романтизм может быть рассмотрен как течение, заставившее общественные науки обратиться к свободе воли человека, причем с совершенно иного ракурса, нежели это делали утилитаристы. Как известно, философия Бентама, опирающаяся на эгоизм, подразумевает свободу личности и послужила основой для широкой программы демократических реформ, поскольку требовала учета интересов всех граждан общества для формирования общего блага. Из этого тезиса логично вытекала идея развития представительных институтов власти, обеспечения равных прав и свобод всем гражданам. Но это была свобода в детерминистском мире, где мотивы людей строго подчинены их природным потребностям и рациональному расчету.

Свобода, провозглашаемая романтизмом, была свободой иного рода. Об этом пишет, например, Шумпетер [Шумпетер, 1954/2001, II, 552]. Об этом подробно говорил В.С.Автономов в докладе 2023 года на конференции в Санкт-Петербурге. Это была свобода протеста, спонтанности, интуиции и чувств. Она не подчинялась ни разуму, ни логике, ни общепринятым потребностям и нормам. Это была свобода, которая вносила в мир элемент динамики и непредсказуемости.

В чем можно увидеть влияние этой романтической свободы в экономической литературе? Мы видим это влияния в двух аспектах: 1) в смене представлений о природе мотивации человека (понятие «национальный дух», коллективный интерес» Ф.Лист, Г.Шмоллера); 2) в переходе к понятию исторических законов, т.е. законов, формируемых людьми в ходе истории (как результат эволюции или прямого волеизъявления, в данном случае это не играет роли, т.к. в обоих случаях речь идет о выборе человека или нации, одномоментном или постепенном).

Оба пункта усиливают в значительной степени фактор неопределенности в экономике. Усложнение мотивации делает поведение человека менее детерминированным, а значит предсказуемым. Второй фактор делает менее детерминированным социальные и экономические законы, которые отныне подчиняются в той или иной степени воле человека (индивидуальной или коллективной). Известное проявление этой трансформации – появление Милевского деления на законы производства и законы распределения. Но также можно увидеть влияние исторического метода на формирование именно раздела динамики Дж.С.Милля. В качестве примера можно взять его главу VII книги IV, где он рассуждает о принципах управления бедными слоями общества. Он указывает, что принятая в прошлом политика патернализма, основанная на полном подчинении и послушании бедных слое общества богатым, теряет свою почву. Справедливости ради надо сказать, что он использует «не исторический» аргумент, апеллируя к природе людей: «... было бы величайшим проявлением полного непонимания человеческой природы сохранение убежденности в том, что отношения, основанные на покровительстве, должны сохраниться навечно». Но именно в этой фразе удивительным образом «естественная природа» оказывается фактором, разрушающим статическое понятие «навечно». Основная мысль Милля состоит в том, что под влиянием роста производительности труда, приводящего к все большим возможностям для самообеспечения отдельного человека (роль НТП), а также в силу развития образования, доступа к книгам, распространения новых религий характер людей меняется, а значит безвозвратно меняются и принципы управления ими: «В отношении трудящихся людей... можно с уверенностью утверждать, что патриархальной или покровительственной системе правления они никогда больше не подчинятся. Этот вопрос был решен уже тогда, когда их научили читать...; когда была проявлена терпимость в отношении крамольных проповедников, ... взывающих к их сознанию и чувствам с целью противостоять убеждениям, которые исповедуются ... правящими классами; когда их собрали вместе в большом числе для совместной работы под одной крышей; когда железные дороги предоставили им возможность переезжать с места на место и менять своих покровителей...; когда их начали побуждать к тому, чтобы они добивались участия в управлении государством при помощи избирательного права» [Милль, 1848/1981, III, 89].

c. Успехи биологических наук.

Когда А.Маршалл сравнивает экономическую науку начала и самого конца XIX века и фиксирует различия в степени восприятия динамической природы общественных явлений, он указывает на развитие биологических наук. В отличие от физико-математических наук, чей предмет постоянен и неизменен, биологические науки по мере своего развития приучали людей к пониманию того, что органической жизни свойственна изменчивость. «Влияние этого нового понятия постепенно распространилось на науки, имеющие отношение к человеку, и проявилось в работах Гете, Гегеля, Конта и других» [Маршалл, 1890/2008, 716], пишет Маршалл. И далее: «Экономическая теория не осталась в стороне и с каждым годом все больше внимания уделяла изменчивости человеческой природы и тому, каким образом характер человека воздействует на преобладающие методы производства, распределения богатства и сам подвергается их воздействию». [Там же.] Первым таким экономистом Маршалл называет Дж.С.Милля.

d. Развитие агностицизма.

Обсуждая истоки статического характера классической теории, мы говорили о том, что можно увидеть влияние методологической нормы классической теории, требовавшей раскрытия устойчивых универсальных законов. В этой связи представляется важным для разрушения статического подхода классиков распространение философского агностицизма, которое привело к формированию позитивизма, отказавшегося от поиска причин вещей и перешедшего к функциональному анализу, т.е. описанию взаимодействия внешне наблюдаемых явлений. Так Шумпетер излагает позицию Конта: «все наше знание – это знание инвариантных соотношений между данными явлениями, о природе и причине которых не имеет смысла рассуждать» [Шумпетер, 1954, II, с. 546]. Правда, Шумпетер утверждает, что это положение вряд ли было способно повлиять на «исследовательскую работу той или иной частной науки». Но мы позволим себе здесь не согласиться с мастером. С нашей точки зрения, очевидный отказ от поиска причин экономических явлений, который с конца XIX века приобрел все большее распространение, существенно изменил характер экономической науки. В частности, переход к анализу внешних явлений и связывание этих явлений не через принцип причинности, а через функциональные зависимости, создал язык (в том числе возможность использования математического аппарата, в тот период не чувствительного к определению причин), позволявший описывать динамические процессы. А признание невозможности раскрытия причин явлений привел к отказу от научной цели, которая способствовала формированию статической теории.

В результате была прервана сложившаяся в эпоху Нового Времени традиция поиска оснований экономических явлений, по своему определению имеющих статический характер, что привело к переключению внимания исследователей на анализ реальных процессов и сделало их более восприимчивыми к динамическим характеристикам системы.

Связь статической теории с абстрактно-логическим анализом, а динамической с качественным эмпирическим обнаруживается в определении статики и динамики, данной А.В.Чаяновым. Для него «рассматривать явление динамически» означает анализировать «в связи с той исторической обстановкой, в которой она существует, и анализировать его как историческую ... категорию», в отличие от статики, которая предполагает изучение явления как «логической категории». [Чаянов, 1924/1989, 307-310]

Связь статического анализа с причинно-следственным анализом, а динамического с функциональным обнаруживается в уже упомянутом нами ранее определении Самуэльсона: «Статика занимается ... определением экономических переменных вне времени в виде взаимозависимых связей». «Сущностью динамики, по мнению Самуэльсона, является то, что экономические переменные, относящиеся к разным периодам времени, связываются функциональными зависимостями» [Samuelson, 1948, 354].

5. Выводы

Не смотря на то, что анализ динамических процессов можно встретить даже у Аристотеля [Шумпетер, 1954/2001, I, 71], а уж тем более у меркантилистов, а динамический анализ действительно можно найти в экономической таблице Кенэ с его временными периодами, тем не менее есть основания говорить о том, что переход от экономической статики к экономической динамике условно совпадает с переходом от экономической мысли XIX века к экономической мысли века XX, а также что можно увидеть в целом ряде исторических обстоятельств XIX века предпосылки этого перехода.

Важную роль сыграла промышленная революция, которая проявила, во-первых, тенденции роста производства, капитала, уровня привычного потребления все расширяющихся слоев общества, т.е. невозвратные устойчивые динамические процессы, а во-вторых, различия между уровнями развития разных стран, что подорвало идею универсальности экономических законов, а значит статичности экономических систем, и заставило обратиться к историческим причинам, а значит и историческим, динамическим факторам, определяющим различия траекторий развития обществ.

Помимо этого, можно обнаружить нематериальные факторы, оказавшие влияние на смену статического представления об экономике на динамическое, в частности вернув в предмет анализа свободу волю, причем как фактор спонтанный, протестный, иррациональный, а значит способный провоцировать изменения, в том числе непредсказуемые, в общественном укладе. К таким факторам мы отнесли влияние романтизма и развитие биологических наук.

Еще один фактор, который с нашей точки зрения повлиял на переход от статического анализа к динамическому, лежит в области методологии науки. Научный идеал классической теории требовал поиска универсальных законов, а следовательно, неизбежно приводил к тому, что в теорию вводились лишь

статические элементы экономической системы. Именно они считались достойными получить статус закона. Все динамические процессы воспринимались как внешние, не свойственные экономике по ее природе, или случайные, неустойчивые. Развитие философского агностицизма, приведшее к отказу от поиска причин вещей в рамках позитивизма, а тем более к отказу от теории в целом в рамках исторического метода, оставили в прошлом научный идеал классической теории и открыли возможность для формирования теорий нового типа, опирающихся на анализ динамичных по своей природе феноменов, а не устойчивых сущностей. Это привело к необходимости и возможности формировать методы динамического анализа и создавать теории динамики, а не просто описывать динамические процессы, что встречается в той или иной степени во все периоды развития экономической мысли.

Библиография

- Harrod R. 1939. An Essay in Dynamic Theory // The Economic Journal, Vol. 49, No. 193 (Mar., 1939), pp. 14-33
- Harrod R., 1936/1965. The Trade Cycle. N.Y.
- Harrod R., 1948. Towards a Dynamic Economics. London
- Harrod R., Domar and Dynamic Economics//The Economic Journal, Sep., 1959, Vol. 69, No. 275 (Sep., 1959), pp. 451-464
- Keynes J.M. 1923/1973. Treatise on Probability // The Collected Writings in XXIV v. Vol. VIII.
- Keynes J.M., 1936/1973. The General Theory... // The Collected Writings in XXIV v. Vol. VII.
- Leibenstein H., 1950. Bandwagon, snob and Veblen effect in the theory of consumer's demand, QJE, LXIV, 2
- Samuelson (1948) Dynamic Process Analysis // A Survey of Contemporary Economics, Ed. by Elliss
- Stigler G. 1960. The Influence of Events and Policies on Economic Theory // The American Economic Review , May, Vol. 50, No. 2
pp. 36-45
- Кларк Дж.Б. 1899/2000. Распределение богатства, М.
- Лукас Р., 2002/2013 Лекции по экономическому росту, М.
- Маркс К., 1867/1960 Капитал // Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 23
- Маршалл А. (1890/2008) Основы экономической науки. М. Эксмо
- Милль Дж.С. (1948/1981) Основы политической экономии, в 3-х тт, М.: Прогресс

- Митчелл У.С.,
- Найт Ф.1921. Риск, неопределенность и прибыль
- Райнерт Э. (2007/2011) Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными.
- Рикардо Д., 1817/ 2007. Начала политической экономии. Эксмо.
- Хейлбронер Р. (1953/2016), Философы от мира сего
- Чайнов А.В. (1924/1989) Избранные произведения: Сборник. Сост. Е.В.Серов. М.: Моск. Рабочий
- Шумпетер Й. 1911/1992. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. М: Прогресс
- Шумпетер Й. 1954/2001. История экономического анализа. В 3-х т., СПб.
- Юм Д. (1752/2005) О торговом балансе // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т.1, 2005